

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭМ ЧОСЕРА

Ирена ВАРНАЙТЕ

В четырнадцатом веке в Англии усиливается процесс разложения феодального общества и развития капиталистических отношений. Англия продолжает формироваться как самостоятельная нация. Расширяются экономические, дипломатические и культурные связи страны со многими европейскими государствами, особенно с Италией и Францией.

Четырнадцатый век характеризуется подъемом в развитии английской национальной культуры и в частности литературы.

Типичными примерами средневековой английской (а также и европейской) литературы являются великая поэма «Видение о Петре Пахаре» (*The Vision of Piers Plowman*) Ленгленда, «*Confessio Amantis*» и тенденционная поэма «*Vox Clamantis*» Гауэра, четыре поэмы — «Жемчужина» (*Pearl*), «Чистота» (*Purity*), «Терпение» (*Patience*), «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (*Sir Gawain and the Green Knight*) неизвестного автора (или авторов) и др. Чосер тоже отдал дань литературной моде и традиции, особенно своими ранними произведениями. Но вместе с тем он и самая значительная фигура предренессансной английской литературы. Его творчество знаменует собой своеобразный переворот в поэтическом искусстве. У Чосера была целая плеяда подражателей при жизни и особенно в пятнадцатом веке; это поэт, у которого учились мастерству Спенсер и Шекспир. По словам Дж. М. Тревельяна, «произведения самого поэта (т. е. Чосера) отмечают величайшее из всех современных событий — рождение и всеобщее признание нашего языка: саксонские и французские слова удачно слились в «английский язык», который все понимают...»¹

Литературное наследие Чосера значительно: крупные поэмы — «Книга о герцогине» (*The Book of the Duchess*), «Дом славы» (*The House of Fame*), «Птичий парламент» (*The Parliament of Fowls*), «Троил и Криссеида» (*Troilus and Criseyde*), «Легенда о хороших женщинах» (*The Legend of Good Women*), «Кентерберийские рассказы» (*The Canterbury Tales*); лирика и традиционные «жалобы» (*compleynt*). Ряд ранних поэм использован в «Кентерберийских рассказах»: «Святая Цецилия» (*Saint Cecilia*) — в рассказе второй монахини, «Паламон» и «Анелида и Арсит» (*Palamon; Anelida and Arcite*) легли в основу

¹ Тревельян, Дж. М., Социальная история Англии, ИЛ, стр. 21.

«Рассказа рыцаря», несколько трагических повествований пересказано в «Рассказе монаха». Кроме того, необходимо упомянуть трактат в прозе «Астролаб», перевод Бозция, и предполагаемый поэтический перевод «Романа о розе».

Сюжеты большинства поэм заимствованы у Овидия, Вергилия, Цицерона, у современных Чосеру французских и итальянских авторов: Грансона, Дешана, Фруассара, Данте, Боккаччо и Петрарки. Но несмотря на это, Чосер «создал для грядущих поколений образцы новой английской поэзии»².

Какова эта новая английская поэзия, как далеко она оторвалась от средневековой традиции и как близко подошла к Возрождению — проблема, возникающая при исследовании творчества великого английского поэта. Решить ее в рамках статьи невозможно. Лишь пять поэм Чосера — «Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент», «Троил и Криссеида» и «Легенда о хороших женщинах» — будут рассмотрены в трех аспектах: развитие характеров персонажей, роль рассказчика и жанровые особенности. Вопросы о поэтическом мастерстве автора поэм, степени влияния на Чосера «Романа о розе», средневековых французских и итальянских поэтов и др. требуют более широкого и детального исследования.

Высокого мастерства достиг Чосер в изображении людей в своих зрелых произведениях: в поэме «Троил и Криссеида» и «Кентерберийских рассказах». Интересом автора к психологии своих героев отличается поэма «Троил и Криссеида»; кентерберийские паломники и персонажи их рассказов индивидуализированы и обобщены, они являются представителями всех социальных классов и групп тогдашнего общества. В более ранних поэмах мы еще не встречаем представителей всех классов или людей, «списанных прямо с натуры»³, но тем не менее персонажи, выведенные Чосером в этих произведениях, как бы предвосхищают появление более сложных индивидуализированных характеров.

Мастерство изображения характеров, как и мастерство поэтического слова,росло с каждым произведением. В поэмах Чосера, помимо традиционных аллегорических, действуют уже и реалистические характеры.

Четыре из пяти анализируемых нами поэм построены на мотивах видений. Следовательно, аллегорическая форма накладывает свой отпечаток и на характеры действующих лиц: в «Книге о герцогине», в «Доме славы» и в «Птичьем парламенте» действуют персонифицированные абстракции — Жестокость, Удовольствие, Жалость, Природа и др., явно продолжающие традицию «Романа о розе». В поэмах часто встречаются однообразные и неинтересные традиционные фигуры Бога Любви или так называемого проводника (*guide*), как королева Альцеста, Африкан и др., перенесенного из читаемой поэтом книги. Только благодаря необыкновенной живости чосеровского диалога, дару поэта

² Дж. М. Тревелъян, Социальная история Англии, стр. 21.

³ М. Горький, цит. по Аниксту А. А., «Реализм и гуманизм Чосера», Труды военного ин-та ин. яз-ов, М., 1946, № 2, стр. 71.

замечать и удачно использовать характерные детали эти фигуры не лишены своеобразного движения.

Среди аллегорических характеров выделяются действующие лица «Птичьего парламента» — птицы, собравшиеся у ног богини Природы для того, чтобы выбрать себе пару. Первой группе птиц — королевскому орлу, ястребу и соколу — предоставлена возможность быть первыми в слове и в деле. Это явно представители аристократии, «*the foules of ravynе*», «*the worthieste of knighthode*»⁴. Их разговор выдержан в куртуазной манере. Они высокомерны — «*Oure is the voys that han the charge in honde/And to the juges dome ye moten stonde* (545—546); они нетерпеливы и с презрением относятся к представителям других классов и их выступлениям:

„Now fy, cherl!“ quod the gentil tercelet,
„Out of the dunghil com that word ful right,
Thou canst noght see wich thing is wel be-set. [596—598]

Королевским орлам противопоставлены другие группы птиц: птицы, питающиеся червями, водоплавающие птицы и птицы, питающиеся зерном, — низшие сословия общества. Водоплавающие птицы устами своего вожака, выскочки гуся, противопоставляют идеалам куртуазной любви свои фривольные взгляды: «*But she wol love him, lat him love another*» (567). Птицы, питающиеся зерном, с голубкой во главе, высказываются за постоянство в любви: «*Nay, god forbede a lover shulde chaunge*» (582). Расчетливый и осторожный, как скряга — купец, является утка

.....“ by my hat!
That men shulde atwey loven, causeles,
Who can a reson finde or wit in that?

.....
Who shulde recche of that is reccheles? [589—591, 593]

Так же практична и кукушка: «*So I, ..my have my make in pees. I recche not how longe that ye stryve*» (605—606). Птицы низшего ранга высказали свое критическое и отрицательное отношение к куртуазной любви. Не хочет ли поэт этим показать, что куртуазная любовь — дело прошлого, что современное ему общество уже с насмешкой и презрением относится к ее идеалам и правилам, противопоставляя им свою расчетливость и «*a parfit reson of a goos*» (568)? Посредством живого диалога и коротких полемических выступлений представителей на парламенте каждая группа птиц ярко выписана и индивидуализирована.

Персонажи, нарисованные в реалистической манере, проявляются уже в ранней поэме «Книга о герцогине». Это, во-первых, рыцарь в

⁴ Здесь и дальше цит.: The Complete Works of Geoffrey Chaucer, Ed. by W. W. Skeat, Oxford Univ. Press, London, 1942. В скобках цифрами указаны строчки.

черном. Несколькими характерными деталями создается его яркий портрет:

*I was war of man in blak,
That sat and had y-turned his bak
To an oke, [445—7]
.....
A wonder wal — faringe knight —
..... and yong therto,
Of age of four and twenty yeer.
Upon his berde but litel heer
And he was clothed al in blakke [452—457]
..... he heng his heed adoune. [461]*

Рыцарь произносит монолог — «*a lay, a maner song, /Withoute note, withoute song*». (471—472). Рассказчик постепенно вовлекает его в разговор, и рыцарь повествует историю своей любви и горечи. Часто его рассказ прерывается лаконичным диалогом, который оживляет и самого грустящего рыцаря.

Вершину мастерства в изображении характеров Чосер достиг в «Троиле и Криссеиде» и в «Кентерберийских рассказах». Жизненный опыт, знание классической и современной ему французской и итальянской литературы обогатили поэта новыми концепциями и материалом. В «Троиле и Криссеиде» поэт сконцентрировал все внимание на трех основных действующих лицах — Троила, Криссеиды и Пандара — и создал оригинальные и индивидуальные характеры. «Взяв сюжет в основном из «*Il Filostrato*» Боккаччо, Чосер превратил циничное повествование о куртуазной любви во вдумчивую студию человеческих отношений».⁵

И Троил и Криссеида нарисованы согласно традициям куртуазной литературы: Криссеида — мудрая красивая и хорошо воспитанная дама, а герой поэмы — молодой храбрый рыцарь:

*..... the kinges dere sone
The goode, wyse, worthy, fresshe, and free,
Which alwey for to do wel is his wone,
The noble Troilus [Book II, 316—320]*

Так Пандар представляет друг другу героя и героиню. У Троила рафинированные манеры, он застенчив и робок: когда троянцы приветствуют его, возвращающегося с победой, он «*wax a litel reed for shame*» (645), «*How sobreliche he caste down his yen*» (648). И Криссеида краснеет, увидев благородного рыцаря, чувствуя, что в ней пробуждается интерес, а может быть, любовь к нему. Поэт следит за судьбами героев, фиксируя каждый их шаг, мысли и оттенки чувств.

Как полагается рыцарю и даме куртуазного романа, Троил и Криссеида скрывают свою любовь, чтобы сохранить свою честь и имя. Чо-

⁵ M. Bowden, A. Readers. Guide to Geoffrey Chaucer, Thames and Hudson, London (1965), p. 176.

сер показывает, что под этим занавесом куртуазных правил приличия скрываются истинно человеческие натуры: она страдает, проводит бессонные, без соловьиной песни ночи, а в сцене, когда Криссеида покидает Троию, Троилю с каменным лицом и сердцем, обливающимся кровью, прощается с ней. Поллюбий Криссеиду, Троилю становится другим человеком — это чувство возвышает и облагораживает его. Поэт словно говорит, как глупо отрицать любовь, и призывает «*yonge folkes*» брать пример со своих героев.

Образ Троиля выдержан в традиционном плане, Криссеида — более сложная натура. Чосер в отличие от Боккаччо больше акцентирует драматический фон, на котором разворачиваются судьбы протагонистов его поэмы: это — Троянская война. Криссеида очень одинока, ее позиция в обществе троянцев шатка: она — дочь предателя-троянца, перешедшего в лагерь греков. Этим объясняется ее быстрое увлечение Троилом, храбрым рыцарем, который будет для нее «*a wal of steel, and sheld from every displesaunce*». Рассказывая о пробуждении любви Криссеиды к Троилу, об их нежных отношениях, Чосер вводит в повествование лирические песни (песня Троиля, любовная песня Антигоны и др.), описания природы, которые как бы подчеркивают искренность чувств героев и отражают их настроение.

Но, как показывает Чосер, жестокий Рок управляет судьбами людей. Эта драматическая линия Рока в поэме, авторские комментарии и аллюзии на влияние планет на судьбу человека, постоянное присутствие атмосферы Троянской войны отчасти снимают вину с Криссеиды за ее слабость, за измену Троилу, за скороспелую клятву в верности Диомеду и за ее лживые письма троянскому принцу.

Чосер заканчивает поэму моралью, призывающей отказаться от земной любви и полагаться только на любовь божью. Поэт просит читателей не осуждать «*this sely womman*», он всего лишь рассказал историю слабой женщины:

*Swich is this world; who — so it can biholde
In eche estat is litel hertes reste;
God leve us for to take it for the beste!* [Book V, 1748—1750]

Обвинив Рок во влиянии на судьбы человеческие, объявив себя лишь фиксатором событий, закончив повествование в традиционный манер назиданием, Чосер более средневеков, чем Боккаччо, несмотря на крайне антифеминистические выпады последнего.

Можно было бы еще много говорить об этих двух героях поэмы и других персонажах, особенно о трезвом и практичном Пандаре, рыцаре Диомеде и др. По сравнению с характерами «*Il Filostrato*», чосеровские *dramatis personae* более сложны, многосторонни и порой достигают особой глубины. «Это была история характеров людей, которая увлекла Чосера, когда он усовершенствовал повествование Боккаччо»⁶.

⁶ H. S. Bennet, *Chaucer and the Fifteenth Century*, Oxford, Oxford Univ. Press, (1958), p. 59.

Так заимствованные сюжеты под пером Чосера постепенно превращались в оригинальные повествования, а их характеры становились более глубокими, яркими и сложными. Даже в аллегорических фигурах птиц заложено критическое отношение поэта к реальной действительности.

Чосеровские характеры явно развиваются в реалистическом направлении. «Яркость, телесность характеристик свидетельствует о том, что мироощущение Чосера чрезвычайно далеко от какого-либо аскетизма»⁷. Глубина характеров персонажей, мотивированность их поведения, драматизм судеб (пусть они и зависимы от «колеса Фортуны») приближают Чосера, особенно в зрелых произведениях, более к возрожденческому представлению о человеке и его изображению, чем к средневековому, идущему от «Романа о розе».

* * *

К характерам, созданным в реалистической манере, можно отнести и чосеровского рассказчика, того фиктивного человека, который видит, повествует и комментирует сон, а нередко принимает и активное участие в разворачивающихся событиях.

В анализируемых нами поэмах рассказ ведется от первого лица. Этот «Я» (I) является персонажем поэм, но не всегда самим Чосером.

Все крупные поэмы Чосера за исключением «Троила и Криссеиды» — видения. Поэт как бы продолжает традицию «Романа о розе», «Божественной комедии», «Видения о Петре Пахаре» и «Жемчуга» и других лучших средневековых поэтических произведений. Вводя рассказчика, видящего и потом излагающего свой сон, Чосер отдает дань литературной конвенции своего времени. Однако этот прием он трансформирует, по-новому его используя.

Обычно поэмы начинаются с того, что рассказчик не может уснуть, берет в руки книгу — «Метаморфозы» Овидия, «Сон Сципиона» Цицерона и т. д., — которая обуславливает его сон, а следовательно, и повествование. Иногда рассказчик засыпает над книгой («Книга о герцогине», «Дом славы»), иногда темная ночь прерывает его чтение:

*The day gan failen, and the derke night,
That reveith bestes from hir businesse,
Berafte me my book for lakke of light,
And to my bedde I gan me for to dresse.* [P F, 85—88]

И тут же появляется опекун и проводник уснувшего, обычно герой читаемой книги: королева Альцеста, (Пролог к «Легенде») Африкан:

*„And in my slepe I mette, as I lay,
How African, right in that selfe aray
That Scipioun him saw before that tyde,
Was comen, and stood right at my beddes syde.* [P F, 95—98]

⁷ В. Александров, «Кентерберийские рассказы», Литературное обозрение, Гослитиздат, М., 1940, № 19—24, стр. 45.

Так как поэмы эти — любовные видения, в них присутствует традиционный персонаж Amor, Бог Любви (Пролог к «Легенде»).

Роль рассказчика в поэмах сложна. Он заявляет, что будет всего лишь излагать ту или другую историю, снимая этим с себя ответственность за судьбу своих героев. И, словно стараясь избежать осуждения читателей или слушателей, он любит ссылаться на авторитеты, которыми часто являются его книги:

*„And with that word my bokes gan I take.
And right thus on my Legend gan I make. [L G W, Text B, 578—9]
„For out of olde bokes, in good feith,
Cometh al this newe science that men lere. [P F, 24—25]*

Ссылка на авторитеты и такая декларация авторского объективизма являются явной средневековой литературной традицией.

Но, несмотря на провозглашенную «объективность», рассказчик является и повествователем, и одновременно участником разворачивающихся событий, как в «Птичьем парламенте», в «Книге о герцогине», в «Доме славы». Драматическое «Я» начинает повествование-сон «Дома славы», он видит храм Венеры, описывает картины, нарисованные на стенах:

*And tho began the story anoon,
As I shal telle yow echoon...
„First saw I the destruccioun
Of Troye, through the Greek sinoun ... [149—152]*

Далее он повествует, как был осажден Илион, как сложилась судьба Приама, Энея и др. Часто рассказ прерывается фразами «*And next that saw I how Venus...*» (162), «*And I saw next, in alle this frere...*» (174), «*Ther saw I Joves Venus kisse...*» (219), которые отмечают переход от одной картины к другой. Иногда рассказчик прямо обращается к героям картин, бранит их, осуждает или восхищается ими: «*Ther saw I thee, cruel Juno*» (198), «*Ther saw I graven eek withalle / Venus, how ye my lady dere...*» (212—213). Эмоции повествователя нередко выливаются в длинную тираду с риторическими вопросами и ответами, с пословицами и клятвами:

*What shulde I speke more queynte,
Or peyne me my wordes peynte,
To speke of love? hit wol not be;
I can nat of that facultee. [245—248]*

*Lo, how a woman doth amis,
To love him that unknowen is!
For, by Crist, lo! thus hit fareth;
Hit is not al gold, that glareth. [269—272]*

Повествователь активен даже тогда, когда приводятся длиннейшие «списки» античных героев, перечисляются их добродетели или пороки.

Таким образом, Чосер избегает монотонности, этого бича средневековой литературы.

Рассказчик активно участвует в разворачивающихся событиях в «Книге о Герцогине». Драматическое «Я» вовлекает грустящего рыцаря в живой диалог и полемику и даже убеждает его в том, что боль и грусть проходят, что жизнью нужно любоваться и нельзя отказываться от земных радостей.

В «Легенде о хороших женщинах» он воспевает красоту маргаритки, свою приверженность и чувства к этому цветку. Чаще всего в самих повествованиях рассказчик исчезает, становится более безличным и отдаленным, чем его прототипы в средневековой литературе.

Более сложную роль повествователь играет в поэме «Троил и Криссеида». В поэме изображаются реальные отношения между людьми, ее действие разворачивается на условно историческом фоне, в ней больше не встречаются неизбежные атрибуты видения: засыпающий поэт, проводник, Амор.

The double sorwe of Troilus to tellen,

.....

My purpos is, [T and C Book I, I, 5]

Этим поэт хочет сказать, что он будет всего лишь обозревателем. И, действительно, на протяжении всей истории любви Троила и Криссеиды повествователь занят лишь регистрацией событий. В поэме развивается философская линия Рока. В размышлениях, комментариях, проклятиях в адрес беспощадной судьбы объективный рассказчик уступает место самому поэту с его взглядами на жизнь, с его опытом и интеллектом. В пятой книге поэмы, завершающейся назиданием и посвящением, повествователь опять исчезает и сам поэт говорит:

„O moral Gower, this book I directe

To thee, and to the philosophical Strode,

To vouchen sauf, ther hede is, to correcte [Book V, 1856—1869]

Рассказчик, этот анонимный человек, всегда представляет себя в критическом и ироническом свете. Он робок, необразован, бездарен («Дом славы») и жизнь знает только по книгам («Птичий парламент»): «*For al be that I know not [... love in dede*» (8). «*Yet happeth me ful ofte in bokes rede...*» (10). Когда-то у него были любовные похождения, но теперь он слишком стар и, как говорит ему Африкан, «*thou of love hast lost thy tast, I gesse*» (P F, 160).

Благодаря мастерски и оригинально использованному приему, когда «Я» раздваивается на драматического рассказчика и самого поэта, мы узнаем кое-что и о личности поэта. Так мы узнали, что Чосер любил много читать, особенно «*olde bokes*», что он страстно любил природу: «*For-wery of my labour al day /Took rest*». (P F, 93, 94). В прологе

к «Легенде» Бог Любви обвиняет повествователя, которым здесь явно является сам поэт, в выступлениях против любви:

*Thou hast translated the Romauns of the Rose,
That is an heresyge ageyns my lawe,
And maketh wyse folk fro me withdrawe. [Text A, 255—251]
Hast thou nat mad in English eek the book
How that Crisseyde Troilus forsook,
In shewing how that wemen han don mis? [Text A, 264—267]*

Королева Альцеста, защищая обвиняемого поэта, перечисляет его произведения, написанные «to serwe you (Богу Любви), in preysing of your name»; «The Hous of Fame», «the Death of Blaunche the Duchesse», „the Parliament of Fowles“, „the love of Palamon and Arcyte“, „And many an ympne for your halydayes, [That highten Balades, Roundels, Virelayes“]. [Text A, 410—411]; „He hath in prose translated Boece“ [Text A, 412]; „Mad the lyf of Seyn Cecyle“. [Text A, 416].

В том же прологе к «Легенде» в определенной степени отражена и литературная ситуация четырнадцатого века, когда шел спор между почитателями цветка и листа. Чосер в этом споре занимает нейтральную позицию.

По поэтическим произведениям мы следим за формированием взглядов и вкусов Чосера, за его поэтическим мастерством, за ростом гражданского сознания. Лучшей иллюстрацией этому служат слова поэта о его уверенности в своих силах, о красоте английского языка, на котором можно воспеть цветок:

*Allas! that I ne had English, ryme or prose,
Suffisant this flour to preyse aright! [L G W, Text B, 66—7]*

* * *

Поэмы Чосера в жанровом отношении — сложные произведения. «Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент» и «Легенда о хороших женщинах» написаны в традиционной средневековой манере — выдержаны в форме любовного видения. Все поэмы содержат в себе яркое драматическое, лирическое и эпическое начало, а в самих поэмах мы видим разнообразие литературных жанров, популярных в четырнадцатом веке.

«Книга о герцогине» посвящена памяти Бланш Ланкастерской, покойной жены Джона Гонтского — покровителя Чосера. Это — элегия. Как только Чосер вводит свой живой и лаконичный диалог в элегию, она превращается в маленькую драму. По ходу действия повествователь начинает воспевать радость жизни, и поэма теряет свой элегический тон, становится радостной и светлой.

Судя по выдвинутым Чосером проблемам, о возможности человеческого познания и цене земной славы — и по драматическим ситуациям,

в которые постоянно попадает повествователь (то он в когтях орла неется по вселенной, то он должен перейти пустынное поле и ледяную гору), поэма «Дом славы» была задумана поэтом как самое философское и драматичное произведение. «Дом славы» с «Божественной комедией» Данте: Корса, Бауден и др. К сожалению, поэма осталась незавершенной.

С годами растет мастерство Чосера и обостряется драматическое восприятие жизни, которое отражается в его произведениях. «Птичий парламент» можно назвать сатирической драмой, хотя и преподнесенной в аллегорической форме. Действие и особенно диалог этой поэмы драматичны: это спор между представителями разных пород птиц, под которыми явно подразумеваются различные классы общества. Повествование обрывается на трагикомическом эпизоде — птицы не пришли к единому мнению и парламент распускается.

Поэма «Троил и Криссеида» — классический пример средневековой поэтической трагедии, выдержанной в духе куртуазного романа. Как в классической трагедии, в ней пять книг-действий (в эпической поэме Боккаччо «*Il Filostrato*», откуда Чосер позаимствовал сюжет, было девять песен). Здесь особенно ярок и драматичен фон, на котором разворачиваются судьбы героев — Троянская война. Кроме того, фаталистическую атмосферу поэмы усиливают, по словам Ж. Демпстер, «бесчисленные намеки на неизбежный Рок, на влияние планет на судьбу человека, монолог Троила о свободе воли...»⁸. Поэт сам назвал это произведение «*litel bok*», «*litel myn tragedye*». «Что делает эту поэму трагической... это — проникновение Чосера в природу человеческой слепоты, его понимание сложных отношений в человеческом мире»⁹.

Типичный средневековый жанр представляет собой «Легенда о хороших женщинах»: это драматические повествования о мифологических и легендарных женщинах, верных в любви. Отдельные рассказы объединены в одно целое прологом. Сами легенды представляют наименьший интерес для современного исследователя, тем более для читателя, чего нельзя сказать о прологе к этому произведению, который содержит биографические моменты и является прекрасным примером лирики Чосера.

Драматизм каждой из этих поэм перемежается с лиризмом. Особенно лиричны и реалистичны описания природы, которая «у Чосера всегда поражает свежестью и осязательностью реального присутствия».¹⁰ В «Книге о герцогине» видение начинается с пространного описания зари, игры света и цвета, звуков птичьего пения (340—391). Птичий парламент собирается в прекрасном саду (173—205). Заметим, кстати, что в более зрелых поэмах лирические картины природы становятся короче и более графичны: Криссеида с тремя племянницами гуляет в саду, который

⁸ G. Lempster, *Dramatic Irony in Chaucer*, Stanford Univ. Press, California, 1932, p. 13.

⁹ H. S. Corsa, *Chaucer Poet of Mirth and Morality*, Univ. of Notre Dame Press, 1964, p. 41.

¹⁰ V. Woolf, „The Pastons and Chaucer“, in *Chaucer and His Contemporaries*. Essays. . . , Ed. by H. Newstead, Inc. Greenwich, Conn., (1968), p. 226.

«was large, and rayled alle the aleys, / And shadwed wel with blosmy bowes grene, / And benched newe, and sonded alle the weyes» (Book II, 820—823).

Преклонение Чосера перед природой велико. В некоторых поэмах поэт создает культ весны и маргаритки. Очевидно это тоже особенность средневековой литературной традиции. Действие почти всех поэм, а также кентерберийское паломничество начинается весной, когда «trees clad with leves», ... «of colour fresh and grene», «with floures whyte, bleme, yellowe, and rede», «on every bough the briddes herde I singe», «whan clothed is the mede with newegrene». Лучшей иллюстрацией поэтического культа весны и маргаритки является пролог к «Легенде». Цветок моментами персонифицирован — «She is the clernesne and the verray light, / That in this derke worlde me wynt ledeth, / As to myn erthly god, to yow I calle, / Bothe in this werke and in my sorwes alle.» (Text B, 84—96) — и поэт, как истинный трубадур, воспевает свою преданность прекрасной даме. Описания чувства поэта к маргаритке, к природе вообще даже в рамках самого пролога становятся по словам Чосера самостоятельными лирическими стихотворениями «loves layes». Таким интимным стихом (кроме вышеупомянутого) являются строки:

*Whan that the sonne out of the south gan weste,
And that this flour gan close and goon to reste
For derknesse of the night*
..... [Text B, 197—211]

Этот стих ничуть не уступает лиризму и мастерству Вордсворта с его «культом» нарцисса (*Daffodils*).

Пролог как бы распадается на отдельные лирические стихи и на маленькую драму, которая начинается со встречи поэта с Богом Любви и королевой Альцестой, и все это находится в органической связи.

Лирической вставкой является рундель, который поют птицы в честь лета и солнца в «Птичьем парламенте»:

*Now welcom somer, with thy sonne softe,
That hast this wintres weders over-shake,
And driven away the longe nightes blake.* [690—692]

В «Троиле и Криссеиде» трижды вводятся любовные песни. В своей песне Троил анализирует свое чувство к Криссеиде:

*If no love is, o god, what fele I so?
And if love is, what thing and whiche is he?...*
.....
For hete of cold, for cold of hete, I dye. [Book I, 400—420]

Песня Антигоны «O love, to whom I have and shal / Ben humble subgit, trewe in my entente», (Book I, 827—875) символически отмечает

пробуждение любви Криссеиды к Троилу. Явно традиционной труверской песней являются строки 1450—1463 (Book III):

*„O cruel day, accousour of the joye.
That night and love han stole and faste y-wryen,
A-cursed be thy coming in-to Troye,
.....
We wol the nought, us nedeth no day haven.*

Это альба, в которой Троил, расставаясь с Криссеидой, посылает проклятия заре — виновнице их разлуки.

В письмах Троила и Криссеиды друг другу не только усиливается драматическое звучание поэмы, но и вносится интимная, лирическая нота.

Описания природы, лирические стихи, любовные песни, письма вполне определенную функцию: они помогают раскрыть характеры героев, весенняя природа часто отражает настроения повествователя и символически намечает ход действия. Так, в драматические повествования постоянно вставляются лирические отрывки, которые превращаются в самостоятельные, мастерски написанные жанровые произведения. Тем не менее, они сливаются с повествованием и не воспринимаются читателем как анахронизм.

Из этого краткого обозрения пяти поэм видно, какое разнообразие жанров представляют собой произведения Чосера. Это аллегория — поэма в духе куртуазного романа с сильным драматическим и лирическим началом, легенда, поэтическая драма. В поэмах встречается любовная песня, альба, рундель, письмо, баллада, даже видение (сны Криссеиды). Это популярные жанры средневековой литературы, но «Чосер обнаружил мастерское владение каждой из этих форм»¹¹. Синтезировав все эти формы, Чосер внес что-то совершенно новое, неповторимое и оригинальное в английскую средневековую литературу.

* * *

Установить степень традиционности и новаторства творчества Чосера можно, охватив все его произведения: большие и малые поэмы, эпическое повествование «Кентерберийские рассказы» и переводы. Так как сюжеты для своих произведений Чосер чаще заимствовал у средневековых французских и итальянских поэтов, важно выявить и влияние этих авторов на его творчество, на рост его поэтического мастерства.

Тем не менее, изучив пять крупных поэм в трех аспектах, можно установить, что нового внес автор в английскую литературу четырнадцатого века. Помимо таких традиционных персонифицированных абстракций, которые представляют разные моральные категории, как Жалость,

¹¹ А. А. Аникст, «Реализм и гуманизм Чосера», Труды военного ин-та ин. яз-ов, стр. 84.

Жестокость, Наслаждение и др., аллегорические фигуры начинают служить цели сатирического показа моральных норм общества («Птичий парламент»). Созданные в реалистической манере характеры отличаются своей графичностью, тонкостью, хотя они и статичны, как рыцарь в черном («Книга о герцогине»). Они постепенно приобретают разнообразие, индивидуальность, их поступки становятся мотивированными, усиливается драматизм характеров: Трои́л и Криссеида. Чосер создает свой мир персонажей: «у него свои молодые мужчины, свои молодые женщины. Даже если бы мы встретили их у Шекспира, мы бы распознали их как чосеровские персонажи»¹². В изображении характеров Чосер уже проявляет возрожденческий интерес к человеку.

Традиционный прием средневековых поэм-видений, повествование в которых ведется от первого лица, оригинально использован поэтом: «Я» — активный повествователь, комментатор и участник драматического действия. Иногда повествователь и поэт одно и то же лицо: в философских размышлениях, суждениях, назиданиях. В таких случаях поэт лучше раскрывает свою личность, интересы, мировоззрение.

Чосер среди своих современников особенно выделяется своим литературным кругозором. Он много заимствовал у старых и новых европейских поэтов, но всегда оставался самобытным английским поэтом. В зависимости от тех образов, которые возникают перед ним, и художественных, моральных, социальных и одновременно композиционных задач, которые он ставит перед собой, поэт подбирает, свободно обрабатывает и меняет разные жанры средневековья. Только на примере его пяти крупных поэм мы видим своеобразную энциклопедию популярных в четырнадцатом веке жанров: аллегорическая поэма, элегическая поэма, сатирическая поэма, поэма в духе куртуазного романа, трагический рассказ, лирика (любовная песня, рундель, альба), письмо и др. В этих поэмах, помимо их драматизма, очень сильно лирическое начало. Часто в эпическое повествование вводятся баллады, лирические песни, лирические стихи. Все произведения Чосера окрашены юмором. Ранние поэмы, такие как «Книга о герцогине», «Птичий парламент», более традиционны и однообразны. В самых зрелых поэмах — «Трои́л и Криссеида», «Легенда о хороших женщинах» (особенно ее пролог) все шире и шире охватываются и синтезируются средневековые литературные жанры. Чосер поражает современного читателя чувством меры в использовании и обработке того лучшего, что создали его предшественники и современники, писавшие по-французски, по-латыни и по-итальянски. Множество жанров сливаются в единую ткань поэм. Часто вырисовываются зачатки новых жанров: поэтической и сатирической драмы, реалистического рассказа.

Система образов, все больший интерес к злободневным проблемам современной Чосеру общественной жизни ведут поэта к новому осмыслению своего творческого метода. Об этом свидетельствуют два величайших произведения Чосера: поэма «Трои́л и Криссеида» и «Кентербе-

¹² V. Woolf, „The Pastons and Chaucer“ in Chaucer and his contemporaries, Essays... , p. 226.

рийские рассказы». «Жизненные обстоятельства дали Чосеру возможность познакомиться со всеми классами английского общества, и хотя он любил аллегоризм «Романа о розе», но под влиянием итальянцев все более и более приближался к реалистическому восприятию мира»¹³. Рассмотренные произведения завершают творческий путь Чосера и одновременно этап в развитии английской литературы.

Чосер был не только творцом этой сложной культуры английского (и в определенной степени западно-европейского) средневековья, но и частью ее, являясь в то же время зачинателем и носителем новой культуры предренессанса.

Ноябрь, 1971

COSERIO POEMŲ ANALIZAVIMO PROBLEMOS

Irena VARNAITE

Reziumė

Jau savo penkiose stambiausiose poemose, parašytose prieš „Kenterberio pasakojimus“, Coseris iškylo kaip savitas ir didis anglų nacionalinis poetas. Tačiau jis dar priklausomas nuo viduramžiškų literatūrinių konvencijų: „Hercogienės knyga“, „Paukščių parlamentas“, „Slovės namai“, „Knyga apie garbingąsias moteris“ parašytos tradicine sapno — „regėjimų“ forma. Dažnai poemose randamos personifikuotos moralinės kategorijos: Gailestis, Žiaurumas ir kt. „Paukščių parlamento“ alegorinės paukščių figūros rodo poeto kritišką požiūrį į savo meto visuomenę. Poemose jau randame ir realistine maniera sukurtų charakterių, nors dar statiškų — Juodasis Riteris („Hercogienės knyga“). Laipsniškai charakteriai tampa vis labiau individualizuoti ir dramatiški, jų veiksmai motyvuoti — Troilas, Krizeida („Troilas ir Krizeida“).

Naujaip Coseris įveda tradicinį pasakotoją — pirmąjį asmenį: „Aš“ ne tik pasakotojas ir komentatorius, bet ir aktyvus dramatinio veiksmo dalyvis. Kartais pasakotojo ir poeto pozicija sutampa — filosofiniuose apmąstymuose, moralinėse sentencijose.

Savo poemose Čoseris tarsi sintezuoja viduramžių literatūrinius žanrus: alegorinė, eleginė, satyrinė poema, kurtuazinio romano dvasia parašyta poema, tragiškas pasakojimas, lyrika (lyrinis eilėraštis, meilės daina, rondelis, alba), laiškas ir kt. Poemose į epinį-dramatinį pasakojimą dažnai įterpiamos lyrinės dainos, lyriniai eilėraščiai. Dažnai išryškėja naujų žanrų kontūrai — poetinės ir satyrinės dramos, net realistinio apsakymo.

¹³ И. Н. Голенищев-Кутузов, Творчество Данте и мировая культура, «Наука», Москва, 1971, стр. 322.

Poemų charakterių ir vaizdų sistema, keliamų problemų aktualumas liudija, kad Coseris — ne tik sudėtingos viduramžių, bet taip pat ir priešrenesansinės kultūros kūrėjas.

PROBLEMS OF THE ANALYSIS OF CHAUCER'S POEMS

Irena VARNAITĖ

Summary

Chaucer appears a great and highly original English national poet already in his five poems written before "The Canterbury Tales". He is still dependent on the mediaeval literary conventions: "The Book of the Duchess", "The Parliament of Fowls", "The House of Fame", and "The Legend of Good Women" have the traditional form of a dream — vision. Conventional moral categories — Pity, Cruelty, Pleasure, etc. are personified in the poems. The allegorical figures of birds in "The Parliament of Fowls" express a critical attitude of the poet towards the contemporary society. Characters drawn in a realistic manner are already encountered in the poems; they are still very static, like the Knight in Black ("The Book of the Duchess"). Gradually they acquire depth and individuality and their actions become motivated: Troilus and Criseyde ("Troilus and Criseyde").

The traditional first-person narrator is quite newly introduced: the "I" is a raconteur, a commentator, and an active dramatis persona simultaneously. Often do the poet and the narrator merge into one as in philosophical and moral judgements.

Chaucer's poems as if summarise the popular genres of the high Middle Ages — an allegorical, elegical and satirical poem, a poem — romance, a tragical narration, a legend, a lyrical verse, a love song, a roundel, an alba, a letter, etc. Lyrical songs and verses are often ingredients of an epic-dramatic narrative. A poetic and satirical drama or even smth. of a realistic story, i. e. new genres, are discernable.

The total system of the characters and imagery point to Chaucer as a great representative of the mediaeval culture and a pioneer of the Renaissance art.